

Продолжаем публикацию нашей «Библиотеки воспоминаний». Сегодня мы предлагаем вашему вниманию заключительную главу из первой части книги народного артиста СССР Б. Захавы. Полностью мемуары будут опубликованы в издательстве «Искусство».

Вахтангов — ученик Станиславского. Но чтобы быть верным своему учителю и хранить его наследство для будущих поколений, ученик должен не только беречь это наследство, но и приумножать его, развивать, дополнять, улучшать, — словом, идти дальше своего учителя.

Вахтангов именно так и делал.

А настоящий учитель, если он большой художник, если он мечтает о развитии своего учения, не может не ценить именно таких своих последователей: смелых, дерзающих, непрестанно идущих вперед. Вот почему Станиславский очень любил и ценил Вахтангова.

Он любил и ценил его не только за непоколебимую рыцарскую верность сущности своего учения, своей «системы»; не только за глубину проникновения в ее сердцевину, в ее нетленное, вечно живое «зерно»; не только за необыкновенный педагогический и режиссерский талант, но также и за непокорство, строптивость, творческую неудовлетворенность, за готовность, безгранично почитая и любя своего учителя, «восстать», если нужно, даже против него, чтобы спасти, сберечь, отстоять сущность его учения, поставить на службу новым задачам, новым потребностям.

29 марта 1919 года Вахтангов писал своему учителю: «Я благодарю жизнь за то, что она дала мне возможность видеть Вас близко... С этой любовью к Вам я и умру, если бы Вы даже отвернулись от меня»¹.

И вдруг — «бунт»! Вахтангов восстает против Станиславского, полемизирует с ним, не соглашается, спорит. Его записи в дневнике от 26 марта 1921 года дали основание некоторым исследователям говорить, что Вахтангов «отошел от Станиславского», «оторвался» от него, «изменил» ему. Так ли это?

В приведенном выше письме Вахтангов писал Константину Сергеевичу: «В искусстве я люблю только ту Правду о которой говорите Вы и которой Вы учите». Изменил ли Вахтангов этой правде, составляющей сущность учения Станиславского? Нет, не изменил!

Ни одно из причудливых созданий своеобразной режиссерской фантазии Вахтангова не могло бы родиться таким живым, органичным, убедительным, какими они оказались, если бы Вахтангов, создавая их, не опирался на то незыблемое, вневременное, непреходящее, что составляет душу, зерно, сущность системы Станиславского, не добивался бы в своих спектаклях поэзии подлинного сценического переживания актеров, полноценной «жизни человеческого духа».

«Вахтангов в своем творчестве не стремился оторваться от Художественного театра, — говорил В. И. Немирович-Данченко на траурном заседании, посвященном памяти Вахтангова, — но он оторвался от худых традиций Художественного театра. Что это за традиции? Это тот натурализм, от которого Художественный театр сам хочет оторваться; над этим работают многие из нас, искренне желающие избавиться от плохих традиций. От этого натурализма — сорного, нудного... Вахтангов отрывался с какой-то стихийной стремительностью»².

«Станиславский идеально знает актера, — писал Вахтангов, — с головы до ног, от кишок до кожи, от мысли до духа»³. Этому знанию Вахтангов учился у Станиславского.

Пусть по внешним своим формам спектакли Вахтангова резко отличались от спектаклей Художественного театра. Но ведь все внешние средства, все формы и стили — явления исторически обусловленные. Они всегда связаны с определенной эпохой, и художник, который упорно держится за однажды найденное в этой области, обыкновенно бывает глух к новому содержанию.

¹ Евг. Вахтангов. Материалы и статьи, стр. 158.

² Цитирую по сохранившейся у меня стенограмме. — Б. З.

³ Вахтангов. Записки, письма, статьи, стр. 232.